

А.А.Плетнева (Москва, ИРЯ РАН)

К проблеме перевода гимнографических текстов на русский язык¹

I.

Вопрос о национальных богослужебных языках напрямую связан с целым комплексом разных проблем. Здесь и вопросы конфессиональных традиций, и вопросы политического характера, и особенности истории национальных литературных языков, их становления и связи с языком литургическим. Именно последнему вопросу - связи литургического церковнославянского и русского литературного языка - и будет посвящен настоящий доклад. Мы постараемся рассмотреть переводы богослужения на русский язык и их использование в практике Церкви в ключе истории развития национального языка. Вопросы становления и развития национальных языков связаны не только с логикой внутреннего языкового развития, но и с социальными и политическими вопросами. Эти культурно-социальные и политические вопросы мы рассмотрим в той степени, в какой они связаны с историей формирования и функционирования русского литературного языка в связи с освоением церковной книжности.

Как известно, русский литературный язык начал свою историю эмансипации от церковнославянского в XVIII столетии. И здесь, конечно, нельзя не учитывать фактора политического. Именно политическая воля императора Петра привела к первым, поначалу неуклюжим, попыткам создания текстов на русском языке, который противопоставлялся церковнославянскому. Языковое строительство входило в программу культурных преобразований петровского и послепетровского времени. Русский язык так же, как языки европейские, должен был стать языком государства и языком новой секулярной культуры. Неясно, в какой степени царь Петр хотел реформировать сферу письменного языка. Вероятно, все-таки перевод богослужения на русский язык не входил в его планы. Максимум о чем в этой связи можно говорить, это о попытке перевести церковные книги на гражданскую кириллицу. Во всяком случае, Петр I, проводя азбучную реформу, предлагал издать гражданским шрифтом какую-нибудь молитву, например, *Отче наш*. Известно, что Федор Поликарпов отрицательно отнесся к этой идее, и царь отказался от притязаний на реформу церковной письменности. (Живов 1996: 75)

Отрицательное отношение к церковнославянскому языку как языку непросвещенных граждан характерно для всей петровской эпохи. Приближенные Петра хорошо чувствовали отношение императора к славянскому языку и транслировали его в своих текстах, невзирая на сан и место в церковной иерархии. Так, Феофан Прокопович объявляет в «Духовном регламенте» книжный церковнославянский язык непонятным и темным². Вот как характеризует Феофан Прокопович язык Катехизиса Петра Могилы и сочинения Иоанна Златоуста и Феофилакта Болгарского: «Книга исповедания православного, немалая есть, и для того в памяти простых человек не удобь вмещаема: и писано не просторечно, и для того простым не вельми внятна. Також и книги великих учителей: Златоустого, Феофилакта, и прочих писаны суть еллинским языком, и в том токмо внятны суть: а перевод их славенский стал темен, и с трудностью разумеется от человек и обученных, а простым невежам отнюдь непостижаемый есть» (Духовный Регламент 1904, 25-26).

Вся дальнейшая история взаимоотношений русского и церковнославянского языков развивается на том поле, которое традиционно принадлежало церковнославянскому языку. И русский язык постепенно захватывает все новые и новые территории. Первый взятый бастион – это шрифт. Если Федор Поликарпов отрицательно отозвался о возможности печатать молитвы гражданской кириллицей, то приблизительно

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект 17-29-09018

² В.М. Живов отмечает, что непонятным этот язык объявляется именно потому, что он является клерикальным, то есть непросвещенным.

через пятьдесят лет это стало возможным. Совершенно понятно, что шрифт воспринимался как средство противопоставления церковнославянского и русского языков. Неслучайно, история становления русского в качестве государственного, литературного языка начинается именно с азбучной реформы. Шрифт и алфавит вплоть до XX века воспринимаются как одно из свойств письменного языка и, соответственно, отказ от церковной кириллицы – есть первый шаг к переходу на русский язык. Интересным в этом отношении является проект по печатанию богослужебных текстов гражданским шрифтом.

В 1765 году ряд церковных служб был напечатан гражданской кириллицей (всего вышло 52 книги, каждая от 50 до 180 страниц) (СК:3, 129-133, №№6553-6605) . Этот проект курировала Екатерина II, по ее распоряжению Синод должен был отпечатать гражданскими литерами ряд служб, приурочив их выход к соответствующим праздникам (например, служба Вознесению печаталась незадолго до дня Вознесения Господня и т.п.). Большая часть тиража поступала в распоряжение самой императрицы. Кроме служб двенадцатым праздникам, печатались также службы на дни, памятные для царской семьи. Так, служба Евстратию, память которого совершается 20 сентября, соотносилась с днем рождения великого князя Павла Петровича, а служба Киру и Иоанну 28 июня – с днем восшествия на престол самой Екатерины. В обоих случаях эта «светская» привязка указана в выходных данных книги. Гражданским шрифтом печатались также службы, соответствующие дням гражданских праздников. Например, служба Обрезанию Господню соотносилась с гражданским Новым годом. (Кравецкий 2017: 228-229)

II.

Полифункциональность литературного языка означает, что на нем может быть выражено любое содержание, что письменный вариант языка обладает средствами, достаточными для того, чтобы создавать тексты, принадлежащие различным дискурсам³. Мы не будем здесь рассматривать все этапы становления русского литературного языка, а затронем лишь те моменты, которые связаны с переводами (пересказами, парафразами) традиционных церковнославянских текстов. Первыми выходят из церковнославянской языковой оболочки переложения псалмов и другие стихотворные сочинения на церковные сюжеты. И это понятно. Уже в XVII в. вирши, в которых использовались христианские сюжеты, топоры и метафоры, вошли в сферу светской культуры. Поэтому в XVIII в. поэтические эксперименты, связанные с церковными текстами, не воспринимались как вторжение светской культуры на церковную территорию. То есть в этом случае смена языка и способа стихосложения не означала разрыва с культурной традицией.

К поэтическим переводам псалмов напрямую примыкают переводы в стихах гимнографических текстов. В этой связи стоит вспомнить «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексева, в приложении к которому публиковались стихотворные переводы некоторых ирмосов. Вот что пишет автор переводов по поводу своего творчества: «Исполняя долг обещания моего, в дополнение прежде напечатанного Словаря церковного собрал я еще несколько иноязычных и древних славянских речений невразумительных, кои по возможности изъяснил и расположил по алфавиту. Любительные же отечественного языка собрания удостоили сие дополнение на свет издать в пользу читателям церковных книг и писателям важных иных сочинений. А как по примечанию моему некоторые из песен церковных не очень ясно у нас переведены, то для образца трех Господских праздников ирмосы к сему дополнению сообщаю рачителям учености российской, не угодно ли явится предложение оных простым слогом и употребительными в России стихами. Намерение мое и в том и в другом случае одинакое, да и соизволение архипастыря моего на оба сочинения одинакое, то и от читателя надеюсь благосклонности одинакой же». Важным, на наш взгляд, здесь является апелляция к любителям отечественного языка и тем, кто заботится о российской учености. Тот есть

---

³ Опыт построения истории славянских литературных языков как постепенного процесса сужения функций церковнославянского и расширения функций национальных версий см Aspects I-II.

данные переводы лежат именно в русле конструирования и созидания русского литературного языка. Любопытно, что автор упоминает одновременно «простой слог» своих переводов и «употребительные в России стихи». Как и многие филологи того времени, Петр Алексеев объединяет особенности стихосложения с поиском для передачи церковных тем адекватных языковых средств. Для него, как в свое время для Ломоносова и Тредиаковского, конструирование языка оказывается теснейшим образом связанным со стихотворным размером и метром. То есть стихотворные переводы Петра Алексеева - это литература, связанная с новым культурным контекстом, а не миссионерские переводы. При этом автор стихов не сомневается, что его переводы будут востребованы «читателями церковных книг», которые извлекут из них потерянные в церковнославянских текстах смыслы.

Перевод Петра Алексеева состоял из двух частей: из подстрочника и собственно стихотворного перевода. Приведем в качестве примера тропарь из канона Рождества:

Спасе люди чудодействуя Владыка, мокрую моря волну оземлевив древле: волею же рождся от Девы, стезю проходну небесе пролагает нам, Егоже по существу, равна же Отцу и человеком славим	Господь спасл некогда людей чудесным образом, обсушивши для прехождения их море, из Девы же родившийся открыл нам путь к небу, и мы Его прославляем быть равно Отцу по божеству, а нам – по человечеству.

Владыка спасл людей чудесно
 Путь в море им открыв земной.
 От Девы же родясь телесно
 Сказал нам к небу путь иной.
 Его мы должны вси прославить
 Отцем рожденна прежде век,
 И нам, и Богу равно ставить,
 Он есть и Бог и Человек.

(Алексеев ирм., 12)

Поэтические переложения текстов, традиционно читавшихся по-церковнославянски, создавались не только представителями духовенства, но и мирянами. Так, В.Г. Рубан (он служил в Коллегии иностранных дел, а затем был личным секретарем князя Г.А. Потемкина) издал поэтические переложения канона Пасхи и Покаянного канона Андрея Критского, а также отдельных пасхальных и воскресных стихир.

Христос воскрес днесь! Смерть смертию поправил:
 И сущим во гробех жизнь вечну даровал

В день воскресения народы просветитесь!
 Для Пасхи днесь святой все духом веселитесь:
 От смерти к жизни нас, и к небу от земли
 Христовы руки нас чудесно превели.
 Да наслаждаемся все вечной там свободы.

Победну пойте песнь все верные народы! (Рубан 1769)

Переводы В.Г. Рубана так же, как и переводы протоиерея Алексеева, имели характер литературного опыта, адресованного читающей публике. Употребление этих текстов за богослужением не предполагалось. В этом смысле стихотворные переложения XVIII века продолжали традиции виршевой поэзии предшествующей эпохи.

В начале XIX в. стихотворные переводы гимнографических сочинений на русский язык продолжались. Так, например, свящ. Гавриил Покатский (1756-1830) стихами перевел на русский язык Псалтирь (Пакатский 1818) и Великий канон Андрея Критского (Пакатский 1829). Периодически стихотворные переводы богослужебных текстов появлялись и в середине, и в конце XIX века. Классикой здесь являются пушкинское переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина и переложение А.К.Толстым погребальных стихир Иоанна Дамаскина. В начале XX века подобные опыты предпринимал П.П.Мироносицкий (Мироносицкий 1912-1913).

III.

В XIX в. русский язык стал одним из языков Библии. Первые переводы на русский язык Писания связаны с деятельностью Российского Библейского общества (РБО). Любопытно, что в начале своей деятельности РБО в основном занималось изданием славянской Библии, декларируя, что это и есть Библия русская. И только в отчетах за 1815 год появляется упоминание о русской Библии как о Библии переведенной на «природный российский язык». Инициатива перевода принадлежала императору Александру I (РБО III, 14). Можно предположить, что император заботился здесь не только о переводе Писания, но видел в этом проекте фактор укрепления престижа языка государства и светской культуры. Читателями русской Библии должна была стать элита, образованное общество. Известно, что в конце XVIII – начале XIX века образованные люди читали Библию не по-церковнославянски, а на европейских языках. Об этом также говорится в Отчете РБО за 1915 год: "Его Императорское Величество <..> с прискорбием усматривает, что многие из россиян, по свойству полученного ими воспитания быв удалены от знания древнего славянского наречия, не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии священные книги, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию иностранных переводов, а большая часть и сего иметь не может"(РБО III: 15). Очевидно, что к «пособию иностранных переводов» прибегали те, кто эти переводы понимал, то есть знал иностранные языки.

Можно утверждать, что перевод РБО не был миссионерским по своей сути, но при этом он чрезвычайно важен для истории русского литературного языка. Переводчики не шли на поводу у устоявшихся церковнославянских конструкций, а скорее, отталкивались от них. Языковая концепция перевода на русский язык была вполне определенной. В правилах перевода говорилось: «Величие Священного Писания ... состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славенским словам и выражениям ради мнимой их важности» (Чистович 1899: 27). В начале XIX в. это был революционный прорыв в языке. В контексте споров архаистов и новаторов, Русское Библейское общество выбрало позицию новаторов (Кравецкий 2015).

Дальнейшая история этого проекта достаточно печальна. Тираж Восьмикнижия был уничтожен, само РБО закрыто. Характерно, что главным гонителем русских переводов стал министр просвещения адмирал Шишков, который в вопросе о том, каким должен быть русский литературный язык, занимал диаметрально противоположную переводчикам РБО позицию. По поводу переводов Библейского общества Шишков писал: «Если церковные книги для того, чтобы уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшего для нас священным, переводиться неведомо кем и как на простонародный язык, каким мы говорим между собой на театре, если при распространении таких переводов (разве для того только нужных, чтобы со временем не разуместь церковной службы или чтобы и обедни служить) наших молитв и евангельских нравоучений переводить будут так называемые духовно-философические ...книги, если... все это будет продолжаться, то я министром просвещения быть не гожусь. » Мы видим, что Шишкова волнует прежде всего вопрос о выборе языка перевода. Язык, отталкивающийся от церковнославянского, называется «простонародным», языком театра и комедий и этот язык, по мнению Шишкова, оказывается несовместим с содержанием священных книг.

Однако сама идея, что Писание может существовать на русском языке, находила новых сторонников. В конце 50-х годов XIX века работа над переводами Библии на русский язык продолжилась, и в 1876 году появится Синодальный перевод Библии. То есть между идеей перевода и реализацией этой идеи прошло более пятидесяти лет. За это время перевод Библии перестал быть раздражающим фактором. Нужно отметить, что, хотя Синодальный перевод создавался спустя полвека после перевода РБО, его язык оказался достаточно архаичным по сравнению с первым переводом, поскольку он в значительной степени ориентирован на церковнославянский библейский текст, в то время как для перевода РБО отталкивание от церковнославянского осознавалось как вполне конкретная задача.

IV

Экспансия русского языка в богословие происходила куда более стремительно. Дело в том, что церковнославянский язык в качестве языка богословской науки использовался очень мало. Вплоть до конца XVIII века преподавание в духовной школе шло на латинском языке. По-латыни издавались и богословские курсы. Первым систематическим курсом богословия на русском языке является «Православное учение или Сокращенная христианская богословия» митрополита Платона (Левшина). Книга впервые увидела свет в 1765 году, а затем неоднократно переиздавалась. В течение последующих пятидесяти лет появилось еще некоторое количество систематических богословских курсов на русском языке. Семинарские преподаватели все меньше использовали на занятиях латынь и все больше русский язык, а к 40-м годам XIX в. преподавание в духовной школе полностью перешло на русский язык (Флоровский 2009, 169-227).

Переход богословия на русский язык означал, что новые переводы святоотеческих текстов будут осуществляться именно на русский, а не на церковнославянский язык. В 1843 году Московская Духовная академия начала издавать журнал (точнее было бы сказать – книжную серию) «Творения святых отцов в русском переводе», где на русском языке был напечатан основной святоотеческий корпус. Несколько иной была судьба русского Добротолюбия. Славянская версия Добротолюбия была впервые напечатана в 1793 году, а по-русски эта книга вышла в 1877 г. При этом славянское Добротолюбие продолжало переиздаваться, в том числе и в постсоветское время.

Таким образом, мы можем сказать, что ученое богословие в России существовало сначала на латинском, а затем на русском литературном языке, в то время как тексты, связанные с монашеской практикой, существовали и на церковнославянском, и на русском.

V.

Выше мы отмечали, что традиция создания литературных текстов на христианские темы (в том числе стихотворных переводов и пересказов) возникла задолго до того, как русский получил статус литературного языка. Вероятно, именно поэтому никакой общественной полемики о том, возможно или невозможно перелгать псалмы стихами, не возникло. Стихотворные переводы, в первую очередь, являлись фактом литературы, и в процессе их создания вырабатывались языковые средства для выражения религиозных понятий и смыслов. И хотя в XIX в. парафразы вместе с торжественной одой постепенно отступают в прошлое, можно сказать, что этот формат был освоен литературным языком. Другой формат - русский язык как язык богослужения полностью не освоен и по нынешний день.

В XIX веке переводчики богослужебных текстов не ставили перед собой задачу создать русский текст, который может использоваться в богослужении, они видели другую цель - создать идеальный подстрочник с греческого, который можно использовать как комментарий к церковнославянскому тексту. То есть на первое место выходят

миссионерские задачи и сопутствующая им идея понятности богослужения, при том что коренным образом ничего не меняется, богослужebным языком остается церковнославянский.

Важнейшая фигура этого времени, определяющая характер переводческой деятельности - святитель Иннокентий Херсонский. Еще будучи иеромонахом, а потом архимандритом, он занимал пост инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии и, в частности, занимался изданием академического журнала «Христианское чтение». На страницах этого журнала преподаватели СПбДА публиковали гимнографические тексты, переведенные с греческого языка. Поскольку задачей переводов было объяснение непонятного, то и переводить стали наиболее сложные тексты - каноны праздничных служб⁴. Особо следует отметить переводческую деятельность преподавателя греческого языка М.И. Богословского. В 1830-е годы он перевел и опубликовал каноны на Воздвижение, на Рождество Христово, на Богоявление, на Сретение, канон Великого четверга, Пятидесятницы, Успения и др. каноны. Причем для некоторых праздников переводились каноны разных византийских гимнографов (например, каноны на Рождество Христово авторства Косьмы Маюмского и Иоанна Дамаскина). Как мы уже отмечали, переводчики не ставили перед собой задачи, чтобы создаваемый ими русский текст имел какую-то художественную ценность. Задача сводилась к прояснению смысла. В качестве примера приведем переведенный М.И. Богословским ирмос 1-й песни канона Иоанна Дамаскина на Рождество Христово: «Древле Господь чудесно спас народ, оземлив влажные волны морские: добровольно же родившись от Девы, Он пролагает нам путь удобопроездный к небу». Литературное качество этого перевода является настолько низким, что о его использовании во время богослужения не могло быть и речи.

Переводческая деятельность продолжалась и на страницах епархиальных церковных изданий. Так, например, в тульских «Епархиальных ведомостях» был создан особый переводческий отдел. Здесь с 1862 года публиковались переводы служб (не только канонов) двенадцатым праздникам, полные воскресные службы всех восьми гласов, а также минейные синаксари. Среди редакторов стоит упомянуть ректора Тульской семинарии архимандрита Андрея (Поспелова), которому, в частности принадлежит перевод полных воскресных служб восьми гласов. На наш взгляд, появление в провинции переводческих школ говорит о распространении идеи перевода, превращении перевода в общецерковное дело. Конечно, пока это затрагивает только самую образованную, просвещенную часть Церкви, но в то же время, это уже не только столичная кабинетная идея.

Из всех переводческих проектов второй половины XIX века наиболее известны переводы Евграфа Ивановича Ловягина. Им были изданы «Богослужebные каноны на греческом, славянском и русском языках», в трех томах⁵. Как видно из заголовка, это параллельное издание. Русский текст здесь играет роль комментария, подстрочника и не претендует на самостоятельную ценность. Как пример перевода Е.И. Ловягина приведем тропарь 4-ой песни второго канона на Пятидесятницу: «Царь царей, единый столь великий от столь великого, Слово, происшедшее от безначального Отца, ты как благодетель поистине ниспослал равномошного Духа Апостолам, воспевающим: слава силе Твоей, Господи».

Революционным событием в деле перевода богослужebных текстов на русский язык стало предпринятое журналом «Христианское чтение» издание пятитомной антологии «Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык» (СПб., 1874-1877). Это был не первый опыт публикации на русском языке

---

⁴ Обзор переводов XIX в. см. (Сове 1970: 35-38)

⁵ Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопение малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургии // Перевел с греческого языка И.Ф. Ловягин. Санкт-Петербург, 1888. Книга была переиздана в 1892 и 1995 году.

инославных литургий. В 1799 г. появился русский перевод армянской литургии (еще один перевод был издан в 1857 г.), в 1864 г. издан русский перевод Литургии Апостольских постановлений, в 1866 – перевод яковитской литургии, в 1869 г. – абиссинской, в 1873 – католической⁶. Однако для издания 1874-1877 гг. переводы делались заново. Для истории русских переводов это издание имеет исключительную важность не только потому, что никогда прежде на русском языке не появлялось столь внушительного корпуса литургий, но и по той причине, что переводчики не имели перед глазами славянского варианта и потому были куда более свободны в выборе языковых средств⁷. (Кравецкий 2017, 232).

Переводы канонических и церковных служб были сугубо академическим проектом. К концу XIX века был переведен основной массив богослужебных текстов. Публикации в церковных журналах не претендовали на то, чтобы стать событием литературной жизни. Поскольку запросом эпохи было создать точный и понятный перевод, то именно такие переводы и создавались в стенах духовных академий и семинарий. По сути, они были толкованием и не претендовали на то, чтобы быть литературными текстами.

VI.

Появление на русском языке Библии и сочинений отцов Церкви наглядно демонстрировало, что функции церковнославянского языка постепенно сужаются. Русский литературный язык полностью освоил повествовательные жанры церковной литературы. Появилось представление, что те смыслы, которые традиционно выражались на церковнославянском, могут, без существенных потерь быть выражены и на русском. Следующим, совершенно естественным, шагом было предположить, что русский язык может звучать в храме.

Здесь необходимо некоторое отступление, касающееся языковой ситуации в России, сложившейся к концу XIX в. Выше отмечалось, что русское дворянство не очень хорошо понимало церковнославянский язык и не имело большой любви к этому языку. Другое дело крестьянская часть России. Мы ничего не можем сказать, насколько правильно крестьяне понимали церковнославянские тексты, но церковнославянский был языком домашнего обучения грамоте. Многие в детстве учились по Псалтири и Часослову, в той или иной степени были знакомы с этими текстами. Несложно предположить, что крестьяне для себя как-то интерпретировали богослужебные тексты, правильно или неправильно, не столь важно. Но до середины, если не до конца, XIX века церковнославянский был в активе у грамотного крестьянина⁸. Ситуация меняется к концу XIX в. После великих реформ количество школ для народа стремительно увеличивается, а в этих школах первым языком обучения становится уже не церковнославянский, а русский. То есть к началу XX в. количество людей с русской грамотностью значительно увеличивается, и в связи с этим возможность совершать богослужение на русском языке начинает обсуждаться как проблема практическая, а не чисто умозрительная.

На Поместном Соборе 1917-1918 годов вопрос о богослужении на русском языке обсуждал один из соборных отделов. В подготовленном проекте признавалась

---

⁶ Обзор тех изданий см.: Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык Вып. 1. Санкт-Петербург, 1874. С. 16-17.

⁷ Перечисляя имена переводчиков и гимнографические произведения, которые они перевели, мы сознательно не касались того напряжения в Церкви, которое возникло в связи с появлением этих переводов. Травма раскола была в Русской церкви настолько сильной, что любые опыты работы с богослужебными книгами вызвали если не отторжение, то крайне настороженное отношение. Характерной в этом отношении является фигура митр. Московского Филарета. Человек, посвятивший себя переводу Писания, переживший разгром Российского Библейского общества, сделавший чрезвычайно много для появления Синодального перевода, он очень осторожно относился к литургическим переводам. С одной стороны, митр. Филарет хорошо понимал необходимость просветительской деятельности, то есть миссионерскую сторону проблемы. С другой стороны, понимал социальный аспект, связанный с переводами богослужебных текстов: общество было не готово к изменениям богослужебного языка и боялось этих изменений (Сове 1917, 33-35). Одной из причин такого отторжения было неприятие звучания русских переводов.

⁸ См.: Кравецкий и Плетнева 2001, 25-38; Плетнева 2013, 33-35

возможность русского богослужения, но при этом рекомендовалось ориентироваться на церковнославянский как на основной язык богослужения⁹.

Выше мы говорили о том, что между первыми опытами внедрения русского языка в церковную сферу и общественным принятием этого начинания проходит минимум 50 лет. Исходя из этого, можно предположить, как бы развивались события по проникновению русского богослужения в церковную практику, если бы этому не помешали революционные события. Лет через 50-70 (то есть, после смены двух-трех поколений) церковное общество привыкло бы к идее возможности службы на русском языке, и внедрение его в богослужебную практику прошло бы относительно безболезненно. Но политика корректирует жизнь национальных языков. Послереволюционная борьба с Церковью и ориентация исключительно на светскую культуру изменили ситуацию. Вместе с уничтожением большинства церковных институций прекратилась церковная дискуссия, стимулирующая развитие церковной жизни. В ситуации борьбы за выживание вопрос о богослужебном языке был отложен на неопределенный срок.

Впрочем, было бы преувеличением сказать, что в советский период тема богослужебного языка вообще не вставала. В этой связи следует упомянуть так называемое обновленчество. Как известно, обновленцы – инспирированное властью движение, которому предписывались вся повестка литургического возрождения. Поэтому в истории прочно укоренился миф, что обновленцы служили по-русски. Как показали исследования последних лет¹⁰, никакой приверженности к литургическим реформам у обновленцев не было, были лишь декларации, за которыми не последовали сколь-нибудь серьезные переводческие опыты. Однако политическая составляющая этого движения сослужила плохую службу идее русского богослужения. Уже в постсоветское время русский язык в сознании верующих продолжает ассоциироваться с красными попами, с идеей политической конъюнктуры и нечистоплотности. Все это привело к тому, что за редким исключением о русском языке как о потенциальном богослужебном языке предпочитали не вспоминать.

В качестве редкого исключения можно вспомнить деятельность Василия Адаменко (впоследствии иеромонаха Феофана). Он не только переводил на русский язык богослужебные тексты, но и служил по-русски. Пользуясь составленными ранее переводами, он дополнял их и делал новые, необходимые для того, чтобы церковная община, которую он возглавлял, полностью перешла на русское богослужение. В 20-е годы он издал существенную часть богослужебных текстов в русском переводе (Адаменко 1924, 1925, 1926, 1927). В своих переводах он продолжал переводческую традицию второй половины XIX в. Его прежде всего заботил смысл песнопений, а поэтическая сторона перевода особенно не интересовала. Вот фрагмент из русского текста панихиды в переводе Василия Адаменко: «Какая житейская радость не смешена с горем, какая слава стоит на земле непоколебимо. Все ничтожнее тени, все обманчивее сновидения, одно мгновение – и смерть все отнимает. Но, Христе, как человеколюбец, упокой избранного Тобою во всеете лица Твоего и наслаждении красотой твоею. О, как страдает душа, разлучаясь с телом, о, сколько она проливает в это время слез, и некому ее пожалеть. Обращается она к ангелам, и напрасно молит их, простирает рук к людям, и некому помочь. Поэтому, мои возлюбленные братья, уразумев краткость нашей жизни, попросим у Христа упокоения переселившемуся от нас, а своим душам великую милость».

Создавая переводы, предназначенные для богослужебного использования, Василий Адаменко оставался в рамках переводческой техники предшествующих эпох. Он осознавал, что русские богослужебные тексты должны хорошо звучать, но средств решить эту проблему у него не было. Он был не поэтом, не филологом-переводчиком, а пастырем, переводящим молитвословия, необходимые для богослужебной жизни его общины. И в

⁹ Подробнее см. Кравецкий и Плетнева 2001, 157-159; Балашов 2001, 120-157

¹⁰ Кравецкий и Плетнева 2001, 181-220.

этой связи рядом с деятельностью Василия Адаменко можно поставить деятельность московского священника Георгия Кочеткова, чьи переводы также соотносятся с практикой определенного церковного сообщества. В общине, возглавляемой Георгием Кочетковым, проделана огромная работа по созданию русской версии богослужения (Православное богослужение I-VI). Первоначально эти переводы создавались с катехизическими целями, но постепенно было осознано, что они должны максимально точно отражать особенности оригинала, передавать заложенный в этом оригинале смысл. Принципиально важным здесь кажется то, что переводы имеют своего адресата: это общины, входящие в Преображенское содружество малых братств¹¹. В исследовании истории богослужения на русском языке, созданном в этом братстве, содержится важное замечание, проясняющее подход этой общины к русскому богослужению: «Если говорить о языке богослужения, проблема заключается не столько в том, чтобы он был понятным (что само по себе хорошо и важно), сколько в том, чтобы он был родным и живым – т.е. действенным, причастным экзистенции, «осоленным», хранящим и сообщающим смысл, свет и силу» (Котт 2007, 19).

Еще один вид русских переводов богослужебных текстов – литературные переводы. Здесь задачи понятности или объединения общины не являются главными. Главной становится задача создания такого текста, который воспринимался бы как текст поэтический. В советское время переводами богослужебных текстов занимался Сергей Сергеевич Аверинцев. Его переводы имели просветительский пафос, знакомили советских людей с литературной традицией Византии и Ближнего Востока. Хотя некоторые общины и использовали часть этих переводов (в частности, псалмы) для богослужебных целей, первоначально они создавались не для этого, это были именно литературные переводы. Сюда же примыкают переводы поэта Ольги Седаковой. Для богослужебного употребления эти тексты не предназначались.

Особняком стоят переводы, принадлежащие поэту и яркому деятелю литературного андеграунда Анри Волохонскому (Волохонский 2016). По первоначальной задаче это были переводы, предназначенные для богослужебного употребления. Некоторые из переведенных чинов (в первую очередь, чины крещения и венчания) использовались в приходах Американской автокефальной церкви. Анри Волохонскому удалось избежать рабского следования оригиналу, он смог создать самостоятельную русскую художественную версию отдельных чинов последований.

За рамками нашего краткого обзора остались богослужебные тексты, написанные на русском языке и предназначенные для келейного использования. Таких текстов довольно много и их обзор мог бы стать предметом отдельного исследования.

VI

Большое количество богослужебных текстов на русском языке не сделало русские переводы богослужения привычными. Люди по-прежнему предпочитают видеть в качестве богослужебного языка церковнославянский. Это объясняется особенностями развития церковной культуры советского и постсоветского периода. В советское время Церковь находилась не в полуправильном положении и верующие надеялись, что будет восстановлена нормальная церковная жизнь. Причем идеалом казалась Церковь дореволюционной России. То есть надежды возлагались не на развитие церковной жизни, а не на возвращение к «золотому веку». Поэтому после падения советской власти ориентация в церковном строительстве (в том числе и в вопросах языка) была на прошлое, а не на будущее. Решение Поместного Собора о том, что правящий архиерей может разрешить общине богослужение на русском или украинском языке, было неизвестно широкой общественности, и вся та дискуссия о языке богослужения, которая велась в предреволюционные годы, тоже оставалась неизвестной до середины 90-х годов XX в.

---

¹¹ Краткий очерк истории переводов, осуществленных членами этого братства, см. Котт 2007, 115-120.

В 90-е годы дискуссия о литургическом языке вновь стала частью церковной жизни. Как уже говорилось выше, между первыми декларациями о расширении сферы литературного языка за счет церковнославянского и реализацией этих идей на практике обычно проходило 50-70 лет. Нельзя исключить, что в обозримом будущем русское богослужение станет допустимым. В настоящее время имеется значительное количество литургических переводов, авторы которых исходят из разных предпосылок и преследуют разные задачи. На очереди церковное освоение этого огромного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Адаменко 1924. - Свящ. Василий Адаменко В. Служебник на русском языке. Н. Новгород, 1924.

Адаменко 1925. - Свящ. Василий Адаменко Порядок всенощного богослужения на русском языке. Н. Новгород, 1925.

Адаменко 1926. - Свящ. Василий Адаменко Сборник церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви на русском языке. Н. Новгород, 1926 (перепечатка: Paris, 1989).

Адаменко 1927. - Свящ. В. Адаменко. Требник. Молитвослов для совершения священнодействий Православной Церкви на русском языке. Нижний Новгород 1927.

Алексеев I-III - Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах”, 3 ч., Москва, 1773 – 1776 гг.

Алексеев ирм. – Ирмосы церковные творение св. Иоанна Дамаскина на Еллино-Греческом языке в пятостиших ямвических; за невразумительностью же перевода оных вновь преложены и в стихи приведены сочинителем церковного словаря (Прот. П. Алексеевым) // Алексеев III. Вторая пагинация. С. 1-17.

Aspects 1984 - Aspects of the Slavic language question. Vol. 1-2. New Haven, 1984.

Балашов 2000- Балашов, Николай, протоиерей. На пути к литургическому возрождению. М., 2001

Волохонский 2016 - Богослужебные тексты и псалмы на русском языке в переводе Анри Волохонского. М., 2016.

Духовный Регламент 1904 - Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского Москва : Синод. тип., 1904

Живов 1996 – В.М. Живов Язык и культура в России XVIII века М.1996

Котт 2007 – В.К. Котт. История переводов православных богослужебных текстов на русский язык в XVIII-XX вв.: духовно-просветительский аспект. Работа на соискание степени магистра теологии. Рукопись. М., 2007.

Кравецкий 2015 – А.Г. Кравецкий. Социолитургические аспекты первых переводов Библии на русский язык // Slověne. 2015. Т. IV. № 1. С. 191-203.

Кравецкий 2017 – А.Г. Кравецкий К истории и предыстории литургических переводов XVII – XXI вв. // Peter Žeňuch – Peter Zubko et alii Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov Monotematický súbor štúdií. Bratislava 2017. P. 227-238

Кравецкий и Плетнева 2001 – А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М., 2001.

Мироносицкий 1912б. - П.П. Мироносицкий. Кондак или песнь (KONTAKION) на Рождество Христово. Творение святого Романа Сладкопевца. Перевод с греческого П. Мироносицкого. - Приходское чтение № 33 (1912) с. 885-890; № 38 (1913), с. 1090-1094.

Пакатский 1818 - Псалтирь в стихах, с приложением при каждом псалме содержащегося в нем исторического, таинственного или нравственного смысла, и с объяснением неудобовразумительных некоторых речений. Преложенная церкви Святых равноапостольных царей Константина и Елены, что при Градских богадельнях священником Гавриилом Пакатским. СПб., 1818.

Пакатский 1829 - Благочестивое говеющих занятие, или Канон Андрея Критского иерусалимита : Перелож. стихами церкви св. равноапостольных царей Константина и Елены, что при Градских богадельнях, лишенным зрения священником Гавриилом Пакатским Канон Андрея Критского иерусалимита. СПб., 1829

Платон 1765 – Православное учение или Сокращенная христианская богословия, : Для употребления его императорского высочества пресветлейшаго всероссийскаго наследника, благовернаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича; / Сочиненная его императорскаго высочества учителем иеромонахом Платоном (Левшиным) 1765 года. Санкт-Петербург, 1765

Плетнева 2013 – А.А. Плетнева. Лубочная Библия: язык и текст. – М., 2013

Православное богослужение I-VI. - Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянского языков. Том 1-6. М., 2007-2017.

РБО III – Третий отчет Комитета Российского библейского общества за 1815 год. СПб., 1816.

Рубан 1769 – Канон Пасхи в переводе Василия Рубана. СПб., 1769.

СК 3 - Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. Том 3. М., 1966.

Сове 1970. - Б.И. Сове. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках. - Богословские труды. М., 1970. Сборник 5. С. 25-68.

Флоровский 2009 – Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М., 2009.

Чистович 1899. - И.А. Чистович. История перевода Библии на русский язык. Спб. 1899. Репринт: М., 1997